

Комиссаржевская: способы трансформации образа

Анна Сергеева-Клятис

10 февраля 1910 г. в Ташкенте, после двух недель мучительной болезни, перед самым концом внезапно отступившей, а потом столь же внезапно возвратившейся, скончалась В.Ф. Комиссаржевская.

Случившееся было неожиданностью даже для родственников, ободренных недавними сообщениями об улучшении состояния больной. Для широкой общественности извещение о смерти Комиссаржевской было подобно грому: 45-летняя актриса, находившаяся в расцвете своего таланта, энергичная, полная планов, внезапно умерла от неведомой болезни на окраине империи. Пораженный известием, А.А. Блок на следующий же день пишет и отдает в газету «Речь» пронзительный некролог (далее – НБ). Выпишем из него основные положения – образы, с помощью которых он описывает личность, жизнь и смерть Веры Федоровной, – разбив их на тематические группы¹:

1. Молодая/ весенняя жизнь/смерть/бес-
смертие:

«[...] мучительная, но молодая, но предвеч-
сенняя смерть»;

«[...] бытие вот этой умершей юности»;

«[...] ей точно было пятнадцать лет. Она
была моложе, о, насколько моложе многих
из нас»;

«Она была – вся мятеж и вся весна [...]»;

«Да это и не смерть [...] Это еще новый за-
вет для нас [...] Далекий голос синей Веч-
ности...»

«Она не умерла, она жива во всех нас».

2. Маленькая, легкая фигура, магия голоса, синие глаза (слово «синий» в терминологии Блока имеет символическое значение обращенности в иные миры, к вечности):

«[...] маленькая фигурка со страстью ожидания и надеж-
ды в синих глазах, с весенней дрожью в голосе, вся изо-
бражающая один порыв [...]»;

«[...] то, что светилось за ее беспокойными плечами...»;

«[...] то, к чему звали ее бессонные глаза и всегда волну-
ющий голос»;

«[...] ее легкую, быструю фигуру в полумраке театраль-
ных коридоров...»;

«[...] ее печальные и смеющиеся глаза, обведенные си-
ним»;

«[...] ее впитывающие, требовательные и увлекательные
речи».

3. Непонимание окружающих, неумение оценить по до-
стоинству:

«Отчего при жизни человека мы всегда так смутно и так
бледно помним о нем, не умеем достаточно ценить его
[...]»;

«Мы и не знали тогда, кто перед нами...».

7 марта 1910 г. в зале Петербургской городской думы на вечере памяти В.Ф. Комиссаржевской Блок произнес речь (далее – РБ), она вскоре после этого была опубликована во 2-м выпуске «Ежегодника императорских театров» за 1910 г., который выходил с периодичностью 8 раз в год. Второй выпуск, таким образом, приходился на конец марта – начало апреля 1910 г. В этой знаменитой речи – знаменитой прежде всего тем, что завершалась она новым стихотворением Блока на смерть Комиссаржевской «Пришла порою полуночной...», – содержались характеристики таланта и личности Веры Федоровной, которые расширяли семантическое поле некролога. Добавим их в уже имеющийся список, выделив повторяющиеся мотивы²:

4. Душа Комиссаржевской – «самый сложный и самый
нежный и самый певучий музыкальный инструмент»,
«настроенная скрипка», создающая гармонию мирового

оркестра:

«Душа ее была нежнейшая скрипка»;
«[...] теперь, после смерти, она поет где-то в нем, за то, что при жизни не нарушала его стройности; она не лукавила, она была верна музыке среди визгливых нот современной действительности».

5. Комиссаржевская – свет, озаряющий землю:

«[...] смотрят сквозь тучи и говорят: там есть **весна**³, там есть заря»;
«опрокинутый факел **юности** ярче старых оплывающих свеч».

6. Глаза, устремленные в иные сферы, и голос, доносящий музыку иных сфер:

«У Веры Федоровны Комиссаржевской были **глаза и голос** художницы».
«[...] обладает взглядом ребенка, но во взгляде этом светится сознание взрослого человека...»;
«[...] видит не один только первый план мира, но и то, что скрыто за ним [...]»;
«В.Ф. Комиссаржевская видела гораздо дальше, чем может видеть простой глаз [...]»;
«[...] эти большие **синие глаза**, глядящие на нас со сцены, так удивляли и восхищали нас; говорили о чем-то безмерно большем, чем она сама»;
«Не меркнет **вечная юность** таких глаз [...]»;
«В.Ф. Комиссаржевская голосом своим вторила мировому оркестру. Оттого ее требовательный и нежный голос был подобен **голосу весны**, он звал нас безмерно дальше, чем содержание произносимых слов»;
«[...] **скрипка** такого голоса сливается с мировым оркестром [...]».

7. Очистительная (весенняя) смерть:

«Тот, кто видел, как над ее могилой открылось **весеннее** небо, когда гроб опускали в землю, был в эту минуту блаженен и светел [...]».

8. Недооцененность при жизни, мотивированная романтическим (символистским) противопоставлением художника толпе:

«О том, как мы **не узнали ее при жизни** [...]»;
«Насколько все это просто для художника, настолько же непонятно для обывателя, а что для обывателя непонятно, то для него и недопустимо, то для него и ненавистно».

Эти же мотивы, некоторые в детальном и подробном, другие – в свернутом виде, насыщают стихотворение Блока «На смерть Комиссаржевской» (1910). Его главная антитеза: «крайний полюс», «мертвый край», «склеп», «порою полуночной» застигнутый внезапным наступлением зари и весны. Здесь есть и «юный голос», который «пел и плакал о весне», и звучащие в «незнакомой вышине» струны, прямо соответствующие образности блоковских прозаических текстов. Находятся также и другие почти точные соответствия: названы глаза

и голос («Умер вешний голос, / Погасли искры синих глаз»), лейтмотивом стихотворения становится непонимание, вернее, *неузнавание* толпы («Что в ней рыдало? Что боролось?/ Чего она ждала от нас?/ Не знаем»), упомянут и «погребальный факел» (вспомним «опрокинутый факел юности»). Завершается стихотворение мистической картиной небесной славы героини, которую эскизно Блок тоже наметил в своей поминальной речи:

Пускай хоть в небе – Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она –
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна⁴.

Шквал некрологов, коротких и длинных мемуаров, поминальных слов и слов благодарности в адрес внезапно и страшно умершей актрисе обрушился на страницы периодических изданий практически сразу после известия о ее смерти и не стихал в течение нескольких лет, неизменно набирая силу к памятным биографическим датам. Опорные смысловые и образные пункты этих материалов зачастую повторялись, так или иначе совпадая с блоковскими текстами, за всех современников выразившими охватившее всех смятение и восхищение личностью и деятельностью В.Ф. Комиссаржевской. Блок, конечно, в основных чертах воспроизвел стихийно сложившийся у современников еще при жизни актрисы образ. Однако в своих некрологических текстах трансформировал его, придав Комиссаржевской ряд особенных – неземных – характеристик, связывающих ее с «синей вечностью». Вплоть до революции 1917 года, когда культурные и общественные ценности были радикально переосмыслены, публицистическая мысль неизменно вращалась в очерченном Блоком кругу⁵. Такова была магия его слова, что как сознательно, так и подсознательно фрагменты из его текстов воспроизводились от раза к разу, постепенно оформляя мифологизированный образ актрисы.

Подчеркивая восприимчивость актрисы к движению времени, к новым веяниям искусства, а также ее тонкость и ранимость, критики стали охотно варьировать музыкальную метафору, предложенную и развернутую в речи Блока. Сравнение души Комиссаржевской со скрипкой или другим струнным инструментом (эоловой арфой) – общее место поминальных статей:

Тайна скрипки чаще всего лежит в душе того, кто держит смычок. Ни одна скрипка в мире не умела так рыдать и так захватывать и потрясать слушателей, как скрипка Паганини. А ее тайна заключалась в том, что великий маэстро пережил великую драму. Тайна грустных, захватывающих, проникающих в самое сердце и покоряющих нот в голосе Комиссаржевской имела своим первоисточником, несомненно, драму ее жизни⁶.

Она, которая ушла от жизни, разбившей ее личные радости, на сцену и принесла сцене целый океан отвергнутых настоящей жизнью чувств и трепетаний. Для жизни оказалось ненужным чуткое, как Эолова арфа, сердце, струны которого дрожали от легчайшего прикосновения⁷.

Ах, этот голос, эта натянутая струна, эта драгоценная скрипка Страдивариуса! Я сказал, что тогда она пела, а не говорила. Ее музыкальная душа, ее ритмическое исполнение давали сладкое ощущение мелодии. Сначала тихо, потом усиливая звук, наконец вырывая из своей слабой груди такие звуки, какие есть только в груди старинных скрипок, оброненных на землю ангелами, Комиссаржевская пела нам тогда свои создания⁸.

Итак, первый пункт мифа – разбитая личная жизнь, пережитые страдания толкнули артистку на сцену, утончили ее душу, сделали ее подобной скрипке, способной к передаче «несказанного». Обратим внимание на промелькнувшую в статье Ю. Беляева ангельскую тему. Эта тема еще не раз появится в некрологических заметках, посвященных Комиссаржевской.

С нею связан и мотив вечной юности, предвосхищающий тему бессмертия актрисы. И в НБ, и в РБ выстроена от-

четливая антитеза между ощущением юности, которое исходило от Комиссаржевской в связи с ее смелым поиском в искусстве и приверженностью к его новым формам, и вечностью, ради которой она работала и которой после смерти в полной мере принадлежит ее личность. Этими мотивы полны и публикации в прессе.

Актер Юрий Озаровский передает свои воспоминания от первой встречи с Комиссаржевской во время ее дебюта на Александринской сцене и подчеркивает детскость ее поведения, которая резко выделяет ее среди прочих актеров: «А как вы думаете – спрашиваю я – скоро наладятся репетиции? – Вера Федоровна прыскает от смеха и убегает на сцену [...]»⁹. И далее: «И во все остальное время совместной службы моей с Верой Федоровной в театре я всегда любовался в ней необычайно привлекательной, милой шаловливостью, какой она умела облечь свои восприятия внешней жизни [...]»¹⁰.

«Она была ребенком, когда веселилась, смеялась, шутила, прыгала, кружилась, напевала [...] – описывает совместные санные катания в своих воспоминаниях Филипп Купчинский. – Были тут молодые барышни, веселые, шаловливые, но Вера Федоровна казалась моложе всех, бодрее, веселее всех»¹¹.

«Все в ней вдруг изменялось, загоралось, просветлялось, и становилась она юнее самой юности и прекрасней самой красоты»¹², – вспоминает Петр Ярцев.

«Смерть Комиссаржевской – это смерть нашей молодости»¹³, – заключает свою статью к годовщине смерти актрисы Осип Дымов.

Таков второй пункт мифа: Комиссаржевская таила в себе нерастроченные молодые силы, юность в складе ее личности была практически вечной, неугасающей, притягательной силой, к которой тянулась молодежь (неслучайно свою биографическую книгу о Комиссаржевской Н.В. Туркин посвятил «нашей молодежи») и которая позволяла ей несколько раз заново начинать свою жизнь.

С этой темой тесно сплетена другая – влюбленность в актрису, которая распространяется от А.А. Блока лично – на все русское общество.

Процитировав соответствующее место из НБ, С. Ауслендер замечает:

Блок, один из самых близких этому театру поэтов, написал [...] о всеобщей влюбленности в Комиссаржевскую. Да, это было так. Она [...] действительно была “Прекрасной Дамой”, своим высоким примером вдохновлявшей

рыцарей, носивших ее цвета, на бесстрашие, на прекрасные подвиги за нее и во имя того, чему она и сама, королева, смиренно служила [...]»¹⁴.

«Можно любить театр и не любить, – но Комиссаржевскую нельзя было не любить»¹⁵, – патетически заявляет писатель Николай Крашенинников, посвятивший свою заметку пятилетию со дня смерти актрисы.

Об особой любви «интеллигентной молодежи» к Комиссаржевской, прямо ссылаясь на НБ, дважды писала Л.Я. Гуревич¹⁶, в своих статьях «Комиссаржевская»¹⁷ и «Мечта и мысль о новой драме»¹⁸. В письме А. Блоку 12 марта 1910 г. она признавалась: «Некоторые страницы имеют прямое отношение к нашей с Вами встрече на этих же похоронах, а другие страницы почти *дословно совпадают* (курив наш – А.С.-К.) с теми, что Вы говорили на вечере в память Комиссаржевской о символическом искусстве»¹⁹.

Следующая черта, отмеченная Блоком, – это постоянное стремление актрисы в иные сферы, в иные миры, которые поэт романтически обозначил как «величавую», «несбыточную» мечту, «устремление куда-то, за какие-то синие, синие пределы человеческой здешней жизни» (НБ)²⁰. Комиссаржевская относилась к тем, «кто роковым образом, даже независимо от себя, по самой природе своей, видит не один только первый план мира, но и то, что скрыто за ним, ту неизвестную даль, которая для обыкновенного взора заслонена действительностью наивной [...]» (РБ)²¹. Одна эта способность делает ее не просто художником, но сверхсуществом, которому ведомы судьбы мира и, уж конечно, судьбы мирового искусства.

Петр Ярцев вспоминает свое впечатление от сверхчеловеческих проявлений в Комиссаржевской: «Теперь была она другая, “настоящая”, и показалось мне тогда, что такое лицо, глаза такие – не лицо, не глаза человека»²².

Брат актрисы Ф.Ф. Комиссаржевский писал о ней в 1912 г.: «Страдальческой была ее смерть и страдальческой была ее жизнь. Она никогда не была удовлетворена действительностью; живя в настоящем, она уже предчувствовала будущее; ее духовный взор был всегда устремлен в даль, в прекрасную страну новых истин»²³.

В поминальной заметке о Комиссаржевской, появившейся без подписи в 1913 г., было сказано: «[...] Комиссаржевской, как художнику, было дано видеть своими духовными очами дальше,

чем видят простые люди, видеть “за” окружающую нас действительность, стоять на той грани, где “тайна земная соприкасается с тайной небесной”...»²⁴.

Тема острого духовного зрения, отрешенности от земного существования в пользу высшего бытия искусства, полумистических прозрений раскрывается Блоком преимущественно с помощью описания заведомо хрупкой «маленькой фигурки» (неприспособленной для жизни в этом мире), синих «бессонных глаз», глядящих в «неизвестную даль», и «голоса художницы», сливавшегося с мировым оркестром. Подобные характеристики звучали и при жизни Комиссаржевской – образовывали поле так называемых «общих мест», крепко связанных с внешним обликом актрисы. Однако мистический ореол ее внешность приобретает под пером Блока.

Лекин вспоминает о ее внешности: «В первый раз я остановился, пораженный кротким, наивным взглядом ее больших глаз. [...] Вся ее маленькая фигурка хрупкая, тоненькая фигурка говорила о любви ко всем людям [...]»²⁵.

«Эта душа неотразимо притягивала к себе всех и обвевала мягкой нежной лаской. Она смотрела на нас через глаза, такие огромные, такие прекрасные, такие печальные...»²⁶.

«Ее печальные глаза, глаза васнецовских мучениц, глубокие, провидящие и усталые и удивленные, горели тогда вдохновением. Голос пел»²⁷.

«При имени В.Ф. Комиссаржевской [...] – писал к пятилетию ее смерти Николай Евреинов, разворачивая метафору запредельного взгляда и неземного голоса. – На меня смотрят глаза, большие и печальные, как вопросы о жизни и смерти, о добре и зле, о красоте и безобразии. При имени В.Ф. Комиссаржевской в моей памяти звенит низкий грудной голос, твердый и мягкий в одно и то же время, голос совсем нездешнего очарования»²⁸.

Приведенные характеристики сливались в одно представление о душе не

от мира сего, облеченной в хрупкую плоть, как бы заранее обреченной, обладавшей явными признаками своей сопричастности иным сферам. Ангелоподобие, почти святость – главная черта Комиссаржевской, сопровождающая ее облик в многочисленных посмертных публикациях. В некоторых практически впрямую:

«В ее голосе угадывалось что-то вещее, и во взмахе ее белых крыльев был ответ идеи, пославшей и благословившей ее на служение и подвиг»²⁹ (ср. с блоковским стихотворением: «Ушла. От всех великолепей – / Вот только: крылья на заре»³⁰ и с НБ: «И я молю ее светлую тень – ее крылатую тень [...]»³¹). «Как легендарный ангел, она подходила, будто во сне совсем близко [...] она почти касалась дрожащей рукой нашего сердца и смотрела в самые глаза наши широко открытыми очами, затуманенными от слез»³².

«Теперь она уже почти святая в анналах драматического искусства»³³.

Очевидно, что весенние коннотации дополняют и распространяют уже сказанное: «[...] Эта маленькая фигура со страстью ожидания и надежды в синих глазах, с весенней дрожью в голосе, вся изображающая один порыв, одно устремление куда-то, за какие-то синие, синие пределы человеческой *здесь-ней* жизни»³⁴ (ср. также: «Голос юный / Нам пел и плакал о весне...»)³⁵. Весна здесь имеет значение воскресения, и ангельское, святое, неземное в образе Веры Федоровны притягивает эти ассоциации. В конце стихотворения они приобретают гиперболизированные религиозно-экстатические интонации, связанные с мотивом спасения – «новый завет для нас»³⁶. То же происходит с другим мотивом – исходящего от Комиссаржевской потустороннего света «синей Вечности», носителем которого она так или иначе выступает: «нас **ослепили** окружающие огни»³⁷, мы были влюблены в то, «что **светилось** за ее беспокойными плечами», «**ослепительная** и страшная волна

горя и восторга», «**светлая тень**», «опрокинутый **факел**» (здесь же «погребальный **факел** – в ночь»), «**звезды синих глаз**». Посмотрим теперь, как те же мотивы преломляются под пером критики:

«Искусство [Комиссаржевской – А.С.-К.] – это проявление души художника, это великое и святое таинство, при котором самое заветное, скрытое и таинственное в прекрасной душе вдруг делается видимым, озаренным напряженно-ярким светом»³⁸.

Есть что-то свежее, благоухающее, как весеннее утро, в этой прячущейся от посторонних взоров душе. На лице ни одного лишнего движения мускулов, а как оно живет, волнуется, страдает! Путильные глаза притягивают к себе своим упорным блеском. В них – сила затаенного порыва; в них – призыв к далекой тайне; в них – молитва и озарение³⁹.

На туманном горизонте образов бледных и слабых, среди фигур робких и покорных, почему она выступила, окруженная таким сиянием, что нынче после тягостной кончины, опустили молитвенно головы даже враги, ослепленные сиянием ее духа?⁴⁰

«Но после того, как – словно факел во тьме – метнулся перед нами образ Комиссаржевской, сразу и четко осветилось пустынное царство сцены...»⁴¹.

Отметим, что ключевые символы, заявленные Блоком и широко распространенные поминальными материалами, посвященными Комиссаржевской, нашли воплощение и в речи Вяч. Иванова, произнесенной им 7 марта 1910 г. – на том же вечере в Петербургской городской думе, на котором выступал Блок. Известно, что в конце 1900-х годов Иванов и Блок тематически и идеологически в своих статьях и выступлениях были очень близки. Порою Блок боялся совпасть с Ивановым «чуть не текстуально»⁴². Эти опасения были обоснованными, именно такого рода совпадения, которые невозможно считать заимствованиями или цитатами, окрашивают речь Вяч. Иванова. Перечислим их, учитывая, что речь была опубликована одновременно с блоковской во 2-м выпуске «Ежегодника императорских театров» за 1910 г., т.е. обе они стали доступны читателям в значимом соседстве, подчеркивающим и акцентирующим важнейшие образы.

Блоковский факел («хоть погребальный факел в ночь», «опрокинутый факел юности») горит и в речи Вяч. Иванова:

Когда я думаю о Вере Федоровне, мне представляется смоляной факел, лижущий пустынную мглу горных вы-

сот, вспыхивающий неверным светом, протягивающий ввысь жадные языки пламени, вдруг перебросившийся длинным зигзагом куда-то в сторону, в какую-то тьму, населенную призраками, – и внезапно потухший⁴³.

Взгляд, устремленный в иные миры («видит не один только первый план мира, но и то, что скрыто за ним»)⁴⁴:

«В Вере Федоровне я вижу и чту тип вещей женщины, ставшей на рубеже двух столетий со взором надежды и требовательного вызова, устремленным вдаль, откуда должен прийти новый человек»⁴⁵.

Весна (или мотив воскрешения), противопоставленная зиме, заморозкам, полюсу «в хладном серебре»⁴⁶ – вечной смерти:

Это женщина эпохи высоких чаяний, – эпохи, когда искусство уже не хочет быть только искусством – как оно не хочет быть и слугою действительности, – когда искусство хочет стать жизнью иначе, преобразив всю жизнь своею вещью красотою в красоту нераздельную, нераздробленную, религиозно-целостную – так, как мечтал об этом великом свершении Ибсен в его драме «Когда мы мертвые встанем». Вера Федоровна сделала все, что было ей дано для этого таинственного дела; мертвые не встали из гробов, но уже различала она, как зыблется снежный покров могил, скрывающий цветущие перси подземной Весны-Персефоны. И она ушла к ней, на ее луг, чтобы торопить воскресение, чтобы ускорить пришествие весеннего Диониса⁴⁷.

Как видим, сходство образов и идей у Блока и Вяч. Иванова разительно. Повторимся: такое единомыслие, по нашему убеждению, могло только усилить впечатление от опубликованных одновременно текстов обеих речей и закрепить в сознании современников устойчивые формулировки.

Благодаря созданному Блоком и творчески развитому в театральной критике образу, В.Ф. Комиссаржевская не только в памяти современников, но и в сознании потомков надолго, практически навсегда лишилась реальных земных черт. Зато обрела черты ангела, надмирного создания, которому неуютно и плохо жилось на земле, гонимого толпой, но все же упорно и жертвенно обращавшего к ней призыв в заоблачные дали искусства. Ее подвиг, ее очистительная жертва были восприняты как устойчивая мифологема, к 1915 году полностью сформированная. И прав оказался Осип Дымов, который в своей поминальной статье об актрисе произнес пророческую фразу: «Комиссаржевской уже нет. Но есть и будет жить всегда прекрасная легенда о Комиссаржевской»⁴⁸.

Notes

- 1 А.А. Блок, «Вера Федоровна Комиссаржевская», в: А.А. Блок, *Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах*, «Наука», Москва 2010, т. 8, С. 117-118.
- 2 А.А. Блок, «Памяти В.Ф. Комиссаржевской», А.А. Блок, *Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах*, «Наука», Москва 2010, т. 8, С. 118-120, следующие цитаты отсюда же.
- 3 Жирный шрифт наш.
- 4 А.А. Блок, «Памяти В.Ф. Комиссаржевской», цит., С. 120. Стихотворение напечатано также в А.А. Блок, *Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах*, «Наука», Москва 1997, т. 3, С. 128-129.
- 5 Для этой статьи мы воспользовались некрологами и близкими по жанру материалами за пятилетие, прошедшее после смерти Комиссаржевской (1910-1915). Не привлекались нами преимущественно статьи биографического характера и театроведческие работы.
- 6 Н. Туркин, *Комиссаржевская в жизни и на сцене*, Златоцвет, Москва 1910, С. 29.
- 7 В. Хавкин, *Над свежей могилой: Памяти В.Ф. Комиссаржевской*, «Рампа и жизнь», № 8 (21 февраля), 1910, С. 123.
- 8 Ю. Беляев, *О Комиссаржевской*, в: *Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской*, Типография Главного Управления Уделов, Санкт Петербург 1911, С. 110. То же: *Апофеоз Комиссаржевской*, в: *Галерея сценических деятелей*, Издание журнала «Рампа и жизнь», Москва 1915, т. 1, С. 53.
- 9 Ю. Озаровский, *В.Ф. Комиссаржевская за кулисами и на сцене*, «Аполлон», № 5 (февраль), 1910, С. 25.
- 10 Там же.
- 11 Ф. Купчинский, *Ее памяти (о В.Ф. Комиссаржевской)*, в: *Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской*, цит., С. 414-415.
- 12 П. Ярцев, *В.Ф. Комиссаржевская*, в: *Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской*, цит., С. 278.
- 13 О. Дымов, *В.Ф. Комиссаржевская: К годовщине со дня смерти*, «Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни», № 3 (февраль), 1911, С. 52. То же: «Обозрение театров», № 1316 (10 февраля), 1911, С. 14.
- 14 С. Ауслендер, *Наша Комиссаржевская*, «Аполлон», № 5 (февраль), 1910, С. 22.
- 15 Н. Крашенинников, *В.Ф. Комиссаржевская. Памятка писателя*, в: *Галерея сценических деятелей*, цит., т. 1, С. 54.
- 16 Любовь Яковлевна Гуревич (1866-1940) – русская писательница, литературный и театральный критик, переводчик.

- 17 Л. Гуревич, *Комиссаржевская*, «Бодрое слово», №3/4, 1910, С. 74.
- 18 Л. Гуревич, *Мечта и мысль о новой драме*, «Русская мысль», № 4, 1910.
- 19 Письмо Л. Гуревич А. Блоку, 12 марта 1910, в: А.А. Блок, *Полное собрание сочинений в двадцати томах*, цит., т. 8, С. 398-399.
- 20 А.А. Блок, там же, С. 117.
- 21 Там же, С. 119.
- 22 П. Ярцев, В.Ф. Комиссаржевская, в: *Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской*, цит., С. 278.
- 23 Ф. Комиссаржевский, *10-е февраля: Памяти В.Ф. Комиссаржевской*, «Студия», 1912, № 19, С. 4.
- 24 *Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской (Офицерская, 39)*, «Маски. Ежемесячник искусства и театра», 1912-1913, № 4, С. 62-63.
- 25 Лекин, *Рози, Нора и Нина*, «Обозрение театров», 1911, № 1316 (10 февраля), С. 16.
- 26 Зигфрид (Старк Эдуард), *Памяти В.Ф. Комиссаржевской*, «Обозрение театров», 1911, № 1316 (10 февраля), С. 14.
- 27 Ю. Беляев, *О Комиссаржевской*, в: *Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской*, цит., С. 106. То же: *Апофеоз Комиссаржевской*, в: *Галерея сценических деятелей*, цит., С. 52.
- 28 Н. Евреинов, *Поминальная анафора*, в: *Комиссаржевская. Альбом Солнца России*, Санкт Петербург 1915, С. 19.
- 29 О. Дымов, В. Ф. Комиссаржевская: *К годовщине со дня смерти*, цит., С. 43-44. То же: «Обозрение театров», 1911, № 1316 (10 февраля), С. 13.
- 30 А.А. Блок, *Полное собрание сочинений в двадцати томах*, цит., т. 8, С. 120
- 31 Там же, С. 118.
- 32 Ф. Купчинский, *Ее памяти (О В.Ф. Комиссаржевской)*, в: *Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской*, цит., С. 413.
- 33 Н. Евреинов, *Поминальная анафора*, в: *Комиссаржевская. Альбом Солнца России*, цит., С. 20.
- 34 А.А. Блок, *Полное собрание сочинений в двадцати томах*, цит., т. 8, С. 117.
- 35 Там же, С. 120.
- 36 Там же, С. 117.
- 37 Там же. Следующие цитаты из Блока отсюда же. Жирный шрифт наш.
- 38 С. Яблоновский, *Светлой памяти*, в: «Рампа и жизнь», 1910, № 7 (14 февраля), С. 103.
- 39 В. Хавкин, *Над свежей могилой: Памяти В.Ф. Комиссаржевской*, «Рампа и жизнь», 1910, № 8 (21 февраля), С. 123.
- 40 Ф. Купчинский, *Ее памяти (о В.Ф. Комиссаржевской)*, в: *Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской*, цит., С. 412.
- 41 Вознесенский Ал., *Бродячая певичка*, в: *Галерея сценических деятелей*, цит., С. 56.
- 42 Письмо А. Блока Вяч. Иванову, 7 марта 1909. Цит. по: Е. Белькинд, *Блок и Вячеслав Иванов*, в: *Блоковский сборник: Труды второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока*, Тартуский университет, Тарту 1972, С. 374.
- 43 Вяч. Иванов, *Памяти В.Ф. Комиссаржевской*, в: «Ежегодник императорских театров», 1910, вып. 2, С. 103.
- 44 А.А. Блок, *Полное собрание сочинений в двадцати томах*, цит., т. 8, С. 119.
- 45 Вяч. Иванов, *Памяти В.Ф. Комиссаржевской*, цит., С. 103.
- 46 А.А. Блок, *Полное собрание сочинений в двадцати томах*, цит., т. 8, С. 120.
- 47 Вяч. Иванов, *Памяти В.Ф. Комиссаржевской*, цит., С. 103.
- 48 О. Дымов, В. Ф. Комиссаржевская: *К годовщине со дня смерти*, цит., С. 51.